

Политические репрессии в СССР (1917-1990 гг.).

Человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать – будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг – воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций. Все вышеизложенное в полной мере относится к проблеме политических спекуляций. Все вышеизложенное в полной мере относится к проблеме политических репрессий в СССР, анализу которых посвящена настоящая статья.

В начале 1989 г. по решению Президиума АН СССР была создана Комиссия Отделения истории АН СССР во главе с членом-корреспондентом АН СССР Ю.А. Поляковым по определению потерь населения. Будучи в составе этой комиссии, мы в числе первых историков получили доступ к ранее не выдававшейся исследователям статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, находившейся на специальном хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), переименованном ныне в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). С суммарными итогами наших изысканий ты хотели бы познакомить читателей журнала «Россия 21».

Подлинная статистика.

Что же мы обнаружили?

Еще в начале 1954 г. в МВД СССР была составлена справка на имя Н.С. Хрущева о числе осужденных за контрреволюционные преступления, т.е. по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик, 1921-1953 гг. (документ подписали три человека – Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и министр юстиции СССР К.П. Горшенин). Это была справка на пяти машинописных страницах, составленная по указанию Н.С. Хрущева и датированная 1 февраля 1954 г.

В документе говорилось, что, по имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 г. по настоящее время, т.е. до начала 1954 г., за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания – 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220, в ссылку и высылку – 765 180 чел. Указывалось, что из общего количества арестованных за контрреволюционные преступления ориентировочно 2,9 млн. человек были осуждены коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием (т.е. внесудебными органами) и 877 тыс. – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной Коллегией. В настоящее время, говорилось в справке, в лагерях и тюрьмах содержится заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, - 467 946 чел. И, кроме того, находится в ссылке после отбытия наказания за контрреволюционные преступления, направленных по директиве МГБ и Прокуратуры СССР, - 62 462 человека.

Отмечалось, что созданным на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934г. Особым совещанием при НКВД СССР, которое просуществовало до 1 сентября 1953 г., было осуждено 442 531 человек, в том числе приговорено к высшей мере – 10 101, к лишению свободы – 360 921, к ссылке и высылке (в пределах страны) – 67 539 и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) – 3 970 чел. Подавляющее большинство, дела которых рассматривались Особым совещанием, было осуждено за контрреволюционные преступления.^[1]

В первоначальном варианте справки, составленном в декабре 1953 г, когда число имевшихся тогда в наличии в местах лишения свободы осужденных за контрреволюционные преступления составляло 474 950 чел., приводилась география размещения 400 296 заключенных: с Коми АССР – 95 899 (и, кроме того, в Печёрлаге –10 121), в Казахской ССР – 57 989 (из них в Карагандинской обл. – 47053, Красноярском крае – 33233, Мордовской АССР - -17104, Молотовской обл. – 15832, Омской – 15422, Свердловской – 14453, кемеровской – 8403, Горьковской – 8210, Башкирской АССР – 7854, Кировской обл. – 6344, Куйбышевской – 4936 и Ярославской – 4701 чел. Остальные 74654 политических заключенных находились в других регионах (Магаданская обл., Приморский край, Якутская АССР и др.). Лица, находившиеся в конце

1953 г. в ссылке и высылке, из числа бывших заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, проживали в Красноярском крае – 30575, Казахской ССР – 12465, на Дальнем Севере – 10276, в Коми АССР – 3880, Новосибирской обл. – 3850, в других регионах – 1416 человек.^{ii[2]}

С конце 1953 г. в МВД СССР была подготовлена ещё одна справка. С ней на основе статистической отчетности 1-го спецотдела МВД СССР называлось число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления за период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. – 4 060306 человек (5 января 1954 г. на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева было послано письмо № 26/К за подписью С.Н. Круглова с содержанием этой информации).^{iii[3]}

Эта цифра слагалась из 3 777 380 осужденных за контрреволюционные преступления и 282926 – за другие особо опасные государственные преступления. Последние были осуждены не по 58-й, а по другим приравненным к ней статьям; прежде всего, по пп. 2 и 3 ст. 59 (особо опасный бандитизм) и ст. 19324 (военный шпионаж). К примеру, часть басмачей была осуждена не по 58-й, а по 59-й статье.

Число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления в 1921-1953 гг.^{iv[4]}

Годы	Всего осуждено (чел.)	Высшая мера	Лагеря, колонии и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры
1921	35829	9701	21724	1817	2587
1922	6003	1962	2656	166	1219
1923	4794	414	2336	2004	-
1924	12425	2550	4151	5724	-
1925	15995	2433	6851	6274	437
1926	17804	990	7547	8571	696
1927	26036	2363	12267	11235	171
1928	33757	869	16211	15640	1037
1929	56220	2109	25853	24517	3742
1930	208069	20201	114443	58816	14609
1931	180696	10651	105683	63269	1093
1932	141919	2728	73946	36017	29228
1933	239664	2154	138903	54262	44345
1934	78999	2056	59451	5994	11498
1935	267076	1229	185846	33601	46400
1936	274670	1118	219418	23719	30415
1937	790665	353074	429311	1366	6914
1938	554258	328618	205509	16842	3289
1939	63889	2552	54666	3783	2888
1940	71806	1649	65727	2142	2288
1941	75411	8011	65000	1200	1210
1942	124406	23278	88809	7070	5249
1943	78441	3579	68887	4787	1188
1944	75109	3029	70610	649	821
1945	123248	4252	116681	1647	668

1946	123294	2896	117943	1498	957
1947	78810	1105	76581	666	458
1948	73269	-	72552	419	298
1949	75125	-	64509	10316	300
1950	60641	475	54466	5225	475
1951	54775	1609	49142	3425	599
1952	28800	1612	25824	773	951
1953 (первое полугодие)	8403	198	7894	38	273
Итого:	4060306	799455	2634397	413512	215942

Следует иметь в виду, что понятия «арестованные» и осужденные» не являются тождественными. В общую численность осужденных не входят те арестованные, которые в ходе предварительного следствия, т.е. осуждения, умерли, бежали или были освобождены. Сюда же не входят арестованные, которые тем или иным судебным или внесудебным органом признавались невиновными (имеется в виду, что дело дошло до осуждения, но приговор был оправдательным).

Вплоть до конца 80-х гг. в СССР эта информация являлась государственной тайной. Впервые подлинная статистика осужденных за контрреволюционные преступления была опубликована в сентябре 1989 г. в статье В.Ф. Некрасова в «Комсомольской правде». Затем более подробно эта информация излагалась в статьях А.Н. Дугина (газета «На боевом посту», декабрь 1989г.), С.Н. Земскова и Д.Н. Нохотович («Аргументы и факты», февраль 1990 г.), в других публикациях В.Н. Земскова и А.Н. Дугина (последнего не следует путать с его однофамильцем из газеты «День»). Число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления впервые было обнародовано в 1990 г. в одной из статей члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева в газете «Известия». Более подробно эту статистику, с динамикой по годам, опубликовал в 1992 г В.П. Попов в журнале «Отечественные архивы».v[5]

Мы специально привлекаем внимание к этим публикациям, потому что именно в них содержится подлинная статистика политических репрессий. Пока что они являются, образно говоря, каплей в море по сравнению с многочисленными публикациями иного рода, в которых называются недостоверные цифры, как правило, многократно преувеличенные.

«Демократическая» статистика.

Реакция общественности на публикацию подлинной статистики политических репрессий была неоднозначна. Нередко высказывались предположения, что это фальшивка. Известный публицист А.В. Антонов-Овсеенко, акцентируя внимание на том, что эти документы подписывали такие заинтересованные лица, как Руденко, Кружлов и Горшенин, внушал читателям «Литературной газеты»: «Служба дезинформации была на высоте во все времена. При Хрущеве тоже... Итак, за 32 года – менее четырех миллионов. Кому нужны такие преступные справки, понятно».vi[6]

Несмотря на уверенность А.В. Антонова - Овсеенко, что эта статистика является дезинформацией, мы позволим себе смелость утверждать, что он ошибается. Это подлинная статистика, составленная путем суммирования за 1921-1953 гг. соответствующих первичных данных, имеющихся в 1-м спецотделе. Этот спецотдел, входивший в разное время в структуру ОГПУ, НКВД, МГБ (с 1953 г. и по настоящее время – МВД), занимался сбором полной информации о числе осужденных у всех судебных и внесудебных органов. 1-й спецотдел – это орган не дезинформации, а сбора всеобъемлющей объективной информации.

Рассматривая проблему достоверности первичных данных исправительно-трудовых учреждений, надо учитывать следующие два обстоятельства. С одной стороны, их администрация в своей отчетности не была заинтересована в занижении численности заключенных, ибо это автоматически вело к уменьшению плана продовольственного снабжения лагерей, тюрем, и ИТК. Ухудшение же питания сопровождалось бы увеличением смертности, что присело бы к срыву огромной производственной программы ГУЛАГа. С другой стороны, раздувание данных о

численности заключенных также не соответствовало ведомственным интересам, ибо было чревато аналогичным (т.е. невыполнимым) увеличением производственных заданий со стороны планирующих органов. А за невыполнение плана в те времена спрашивали строго. Думается, результирующей этих объективных ведомственных интересов была достаточная степень достоверности отчетности. Кроме того, следует учесть и «стахановскую» психологию представителей карательных органов тех лет: чем больше они выявляли и сажали «врагов народа», тем, считалось. Они лучше работают. Так что занижать численность осужденных им не могло прийти в голову.

Большой резонанс в обществе вызвала публикация Р.А. Медведева в «Московских новостях» (ноябрь 1988 г.) о статистике жертв сталинизма.vii[7]

По его подсчетам, за период 1927-1953 гг. было репрессировано около 40 млн. человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 г. и др. В 1989-1991 гг. эта цифра была одной из наиболее популярных при пропаганде преступлений сталинизма и довольно прочно вошла в массовое сознание. На самом деле такого количества (40 млн.) не получается даже при самом расширенном толковании понятия «жертвы репрессий». В эти 40 млн. Р.А. Медведев включил 10 млн. раскулаченных в 1929-1933 гг. (в действительности их было около 4 млн.), почти 2 млн. выселенных в 1939-1940 гг. поляков (в действительности – около 380 тыс.) – и в таком духе абсолютно по всем составляющим, из которых слагалась эта астрономическая цифра. По мнению Р.А. Медведева, в 1937-1938 гг. было репрессировано 5-7 млн. (на самом деле –1,5 млн.), а 10 млн. в 1941-1946 гг. – это уж совсем фантастика, даже если сюда включить более 2 млн. выселенных немцев, калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей и др.

Нам часто приходилось слышать, что расчеты Р.А. Медведева, возможно, правильные, так как он ставит проблему репрессированных в широком плане. Поэтому мы специально так детально остановились на его расчетах, чтобы показать: в каком бы плане ни ставить проблему (широком или узком), статистика Р.А. Медведева не соответствует истине; в любом случае в его расчетах нет ни одной цифры, хотя бы отдаленно похожей на подлинную статистику.

Однако эти 40 млн. скоро перестали удовлетворять «растущим потребностям» определенных политических сил в очернении отечественной истории советского периода. В ход пошли «изыскания» американских и других западных советологов, согласно которым в СССР от террора и репрессий погибло 50-60 млн. человек. Как и у Р.А. Медведева, все составляющие подобных расчетов были чрезвычайно завышены; разница же в 10-20 млн. объяснялась тем, что Р.А. Медведев начинал отсчет с 1927 г., а западные советологи – с 1917 г. Если Р.А. Медведев оговаривал в своей статье, что репрессии не всегда смерть, что большая часть раскулаченных осталась жива, что из репрессированных в 1937-1938 гг. расстреляна меньшая часть и т.д., то ряд его западных коллег называли цифру в 50-60 млн. человек как физически истребленных и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др. Мы сомневаемся в научной добросовестности всех этих авторов. Здесь скорее речь можно вести о том, сколь добросовестно они потрудились над выполнением заказов политиков и спецслужб своих стран с целью дискредитировать в научнообразной форме своего противника по «холодной войне», не гнушаясь фабриковать прямую клевету.

Это, конечно, не означает, что в зарубежной советологии не было исследователей, старавшихся объективно и добросовестно изучать советскую историю. Крупные ученые, специалисты по советской истории С. Виткрофт (Австралия), Р. Дэвис (Англия), Г. Риттерпшорн (Франция) и некоторые другие, подвергли открытой критике исследования большинства советологов и доказывали, что в действительности число жертв репрессий, коллективизации, голода и т.д. в СССР было значительно меньше.viii[8]

Однако труды именно этих зарубежных ученых, с их несравненно более объективной оценкой масштабов репрессий, у нас в стране замалчивались. В массовое сознание активно внедрялось только то, что содержало недостоверную, многократно преувеличенную статистику репрессий.

Эти мифические 50-60 млн. скоро затмили собой в массовом сознании роймедведевские 40 млн. Потому, когда председатель КГБ СССР В.А. Крючков в своих выступлениях по телевидению называл подлинную статистику политических репрессий, то многие в буквальном смысле не верили своим ушам, полагая, что ослышались. Журналист А. Мильчаков в 1990 г. делился с читателями «Вечерней Москвы» своим впечатлением от выступления В.А. Крючкова: «...И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей «Вечерней Москвы» ещё раз внимательно прочитать произведение А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг», прошу ознакомиться с опубликованными в «Московском

комсомольце» исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50-60 миллионов человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден».ix[9]

Комментарии, как говорится. Излишни. Недоверие проявлено только к документально подтвержденной информации, и безмерное доверие – к информации противоположного свойства.

Однако и это не было ещё пределом оболванивания общественности. В июне 1991 г. «Комсомольская правда» публикует интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. Из него мы узнали следующее: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами. – только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого её ведения 44 миллиона человек! И так, всего мы потеряли от социалистического строя – 110 миллионов человек!».x[10]

Некоторые вопросы и уточнения.

Позволим себе внести некоторые уточнения. Сокращение численности населения СССР за 1941-1945 гг. составило не 44 млн., а 27 млн. человек (в это число входят не только погибшие и умершие, но и «вторая эмиграция»).

Р.А. Медведев предполагает, что до 1946 г. включительно органами НКВД было репрессировано от 2 до 3 млн. человек, проживающих на территории СССР, подвергавшейся фашистской оккупации.xi[11]

В действительности по всему Советскому Союзу в 1944-1946 г. было осуждено по политическим мотивам 321 651 чел., из них 10177 приговорено к высшей мере. Думается, большинство осужденных с бывшей оккупированной территории было наказано справедливо за конкретную изменническую деятельность. Можно, на наш взгляд, говорить о моральном наказании населения этой территории включением в анкеты графы «Проживание на оккупированной территории», что на практике создавало осложнения в служебной карьере. Поражает странная однобокость в освещении репрессий и геноцида. Всячески раздуваются масштабы репрессий НКВД в отношении советского населения, проживающего на оккупированной территории, в то же время замалчивается фашистский геноцид. В свое время возглавляемая академиком Н.Н. Бурденко Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников установила, сто на оккупированной территории СССР было убито и замучено 10,7 млн. советских граждан (включая военнопленных).xii[12]

Такие огромные жертвы нельзя назвать неизбежными издержками войны. Это была целенаправленная политика тогдашнего руководства Германии по ослаблению биологического потенциала славян, евреев, Цыган и других «неполноценных» этносов.

Имеющее широкое хождение в западной советологии утверждение, что во время коллективизации 1929-1932 гг. погибло 6-7 млн. крестьян (в основном кулаков), не выдерживает критики. В 1930-1931 гг. в «кулацкую ссылку» было направлено немногим более 1,8 млн. крестьян, а в начале 1932 г. их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн. приходилась на смертность, побеги и освобождение «неправильно высланных». За 1932-1940 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 230258, умерло 389521, бежало 629042 и возвращено из бегов 235120 человек. Причем с 1935 г. рождаемость стала выше смертности: в 1932-1934 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 49168 и умерло 271367, в 1935-1940 гг. – соответственно 181090 и 108154 человека.xiii[13]

В число жертв репрессий часто включаются умершие от голода в 1933 г. Безусловно, государство своей фискальной политикой совершило тогда чудовищное преступление перед миллионами крестьян. Однако включение их в категорию «жертвы политических репрессий» вряд ли правомерно. Это – жертвы экономической политики государства (аналог – миллионы не родившихся в результате шоковых реформ радикал-демократов российских младенцев). В регионах, пораженных засухой (Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, некоторые другие районы), государство не сочло нужным снизить объем обязательных поставок и изымало у крестьян собранный скудный урожай до последнего зернышка, обрекая их на голодную смерть. Точное число умерших пока не установлено. В литературе обычно называются цифры от 6 до 10 млн., причем только по Украине эти оценки колеблются от 3-4 до 6-7 млн. Однако статистика рождаемости и смертности в 1932-1933 гг. заставляет сделать вывод, что эти оценки сильно преувеличены. По данным Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана

СССР, в 1932 г. на Украине родилось 782 тыс. и умерло 668 тыс., в 1933 г. – соответственно 359 тыс. и 1309 тыс. человек.[xiv\[14\]](#)

Здесь надо учитывать ежегодную естественную смертность (от старости, болезней, несчастных случаев и т.д.), но ясно, что на первое место по численности следует поставить умерших от голода.

В последние годы на Украине активно пропагандируется идея (в том числе в научных кругах), что голод 1932-1933 гг. явился следствием антиукраинской политики Москвы, что это был сознательный геноцид в отношении украинцев и т.п. Но ведь точно в таком же положении оказалось население Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана и других районов, где царил голод. Здесь не было какой-то избирательной антирусской, антиукраинской, антитатарской или антиказахской направленности. Государство своей фискальной политикой совершило преступление перед всем крестьянством, независимо от национальности.

Сильно преувеличены также потери у депортированных в 1941-1944 гг. народов – немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, греков, армян и болгар, у выселенных в 1944 г. из Грузии турок-месхетинцев, курдов, хемшилов, азербайджанцев. Р.А. Медведев определяет число умерших во время и после выселения в 1 млн. человек.[xv\[15\]](#)

Если бы это было так, то для малых народов такие жертвы означали бы страшнейший удар по их биологическому потенциалу, от которого они вряд ли оправились к настоящему времени. В прессе, к примеру, проскальзывали оценки, согласно которым до 40% крымских татар умерло при транспортировке в места высылки. Тогда как из документов следует, что из 151720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151529, а в пути следования утер 191 человек (0,13%).[xvi\[16\]](#)

Другое дело. Что в первые годы жизни на спецпоселении в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость.

С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. у выселенных немцев (без трудовой армии) родилось 25792 и утерло 45275, у северокавказцев соответственно 28120 и 146892, у крымчан – 6564 и 44887, у выселенных в 1944 г. из Грузии – 2873 и 15432, у калмыков – 2702 и 16594 человек. С 1949 г. у всех них рождаемость стала выше смертности.[xvii\[17\]](#)

«Тяжелая артиллерия» - версия Шатуновской.

В последние годы в средствах массовой информации время от времени, но довольно регулярно приводится статистика политических репрессий по воспоминаниям О.Г. Шатуновской. Шатуновская – бывший член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов во времена Н.С. Хрущева. В 1990 г. в «Аргументах и фактах» были опубликованы её воспоминания, где она, ссылаясь на некий документ КГБ СССР, впоследствии якобы таинственно исчезнувший, отмечала: «...С 1 января 1935 г. по 31 июня 1941 г. было арестовано 19 млн. 840 тыс. «врагов народа». Из них 7 млн. было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях».[xviii\[18\]](#)

В действительности же в 1935-1941 гг. за контрреволюционные и другие опасные государственные преступления было осуждено 2 097 775 человек, из них 595 241 приговорено в высшей мере.

Утверждение О.Г. Шатуновской «большинство остальных погибло в лагерях» (надо полагать, 7-10 млн.), разумеется, тоже не соответствует истине. Мы располагаем совершенно точной информацией, что за 20 лет (с 1 января 1934 г. по 1 января 1954 г.) в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ГУЛАГа умерло 1 053 829 заключенных.[xix\[19\]](#)

За период 1939-1951 гг. (отсутствовали сведения за 1945 г.) в тюрьмах СССР скончались 86582 человека.[xx\[20\]](#)

К сожалению, в документах ГУЛАГа нам не удалось найти сводной статистики смертности в исправительно-трудовых колониях (ИТК) ГУЛАГа. Отдельные отрывочные сведения, которые нами выявлены, позволяют сделать вывод, что в ИТК смертность была ниже, чем в ИТЛ. Так. В 1939 г. в лагерях она держалась на уровне 3,29% к годовому контингенту, а в колониях – 2,30%. Это подтверждает и другой факт: при примерно равномерной численности и циркуляции убывших и прибывших заключенных, в 1945 г. в ИТЛ умерло 43848, в ИТК – 37221 заключенных. В 1935-1938 гг. в ИТК содержалось примерно в 2 раза меньше заключенных, чем в ИТЛ, в 1939 г. – в 3,7, 1940 г. – в 4 раза, 1941 г. – в 3, 5, 1942 г. – почти в 4 раза, 1943 г. – почти в 2 раза меньше. В 1944-1949

гг. численность заключенных в ИТЛ и ИТК была примерно одинакова, в 1950 г. в ИТЛ она стала на 20-25% выше, чем в ИТК, в 1951 г. – в 1,5 раза и в 1952-1953 гг. – почти в 2,5 раза.[xxi\[21\]](#)

В среднем за 1935-1953 гг. в колониях содержалось примерно в 2 раза меньше заключенных, чем в лагерях, и смертность там, на «душу населения», была ниже. Используя метод экстраполяции, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в колониях в 1935-1953 гг. умерло никак не больше 0,5 млн. человек.

Таким образом, в период 1934-1953 гг. в лагерях, колониях и тюрьмах умерло примерно 1,6-1,7 млн. заключенных. Причем в это число входят не только «враги народа», но и уголовники (последних было больше). Соотношение между политическими и уголовниками в ГУЛАГе в разное время весьма существенно колебалось, но в среднем за 30-е – начало 50-х гг. оно было близким к уровню 1:3. Характерными являются данные на 1 января 1951 г., когда в ГУЛАГе содержалось 2 528 146 заключенных, из них 579 918 политических и 1 948 228 осужденных за уголовные преступления, т.е. в соотношении 1:3,3, в том числе в лагерях – 1:2,2 (475 976 и 1 057 791), и в колониях – 1:8,5 (103 942 и 890 437).[xxii\[22\]](#)

Даже учитывая имеющиеся в литературе многочисленные свидетельства, что смертность у политических была выше, чем у уголовников, мы не можем опустить это соотношение ниже уровня 1:2. На основе приведенной выше статистики можно утверждать, что на каждого политического, умершего в местах лишения свободы, приходилось как минимум два умерших уголовника.

И как же теперь быть с небрежно брошенной О.Г. Шатуновской фразой: «Большинство остальных погибло в лагерях»? Если на минуту поверить её фантастическим цифрам, то это «большинство остальных» надо отсчитывать от почти 13 млн. человек (причём только «врагов народа», без уголовников), арестованных в 1935-1941 гг. и сразу не расстрелянных. В свете всех приведённых выше данных, взятых из многочисленных архивных документов, «версия» Шатуновской не только трещит по швам. Но и выглядит как полнейший абсурд. В действительности за 20-летний период (1934-1953 гг.) численность «врагов народа», не приговоренных к высшей мере, но впоследствии умерших в местах лишения свободы, не превышала 600 тыс. человек.

Мотивы поступка О.Г. Шатуновской не совсем понятны: то ли она сознательно выдумала эти цифры с целью мести (она была репрессирована), то ли сама стала жертвой какой-то дезинформации. Шатуновская уверяла, что Н.С. Хрущёв якобы затребовал справку, в которой приводились эти сенсационные цифры, в 1956 г. Это очень сомнительно. Вся информация о статистике политических репрессий была изложена в двух справках, подготовленных в конце 1953 – начале 1954 г., о которых мы говорили выше. Если даже в 1956 г. Хрущёв и заказывал эту справку, то КГБ СССР мог только повторить цифры из сводной статистики 1 спецотдела МВД СССР, где содержалась наиболее полная информация по этому вопросу.

Мы уверены, что такого документа никогда не существовало, хотя в печати и делались попытки доказать обратное. Вот какое «доказательство» приводит А.В. Антонов-Овсеенко: «Готовя текст своего доклада на XX съезде, Н. Хрущев затребовал от КГБ данные о репрессиях. Председатель комитета А. Шелепин передал соответствующую справку лично Хрущеву, и тот ознакомил с ней Шатуновскую вместе с сотрудником аппарата ЦК А. Кузнецовым. С января 1935-го по июнь 1941-го в стране репрессированы 1984 000 человек, из них в первый же после ареста год казнены и погибли под пытками 7 миллионов. Копию документа Кузнецов показал помощнику Хрущёва И.П. Алексахину».[xxiii\[23\]](#)

Здесь уместен вопрос: что же мешает ныне находящимся у власти политическим силам, не менее О.Г. Шатуновской и А.В. Антонова-Овсеенко заинтересованным, надо полагать, в разоблачении сталинизма, официально подтвердить статистику Шатуновской со ссылкой на заслуживающий доверия документ? Если, по версии Шатуновской и Антонова-Овсеенко, служба безопасности в 1956 г. подготовила такую справку, что же мешало сделать то же самое в 1991-1993 гг.? Ведь даже если сводная справка 1956 г. и была уничтожена, то первичные данные сохранились. Ни Министерство безопасности Российской Федерации (МБРФ), ни МВД, ни другие органы не могли этого сделать по той простой причине, что вся соответствующая информация, которой они располагают, прямо опровергает статистику Шатуновской.

Данные МБРФ и подлинные проблемы статистики репрессий.

2 августа 1992 г. в пресс-центре МБРФ состоялся брифинг, на котором начальник отдела регистрации и архивных фондов МБРФ генерал-майор А. Краюшкин заявил журналистам и другим приглашенным, что за все время коммунистической власти (1917-1990 гг.) в СССР по обвинению в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства

аналогичного свойства осуждены 3 853 900 человек, 827995 из них приговорены к расстрелу. В терминологии, прозвучавшей на брифинге, это соответствует формулировке «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления». Любопытна реакция средств массовой информации на это событие: большинство газет обошли его гробовым молчанием. Одним эти цифры показались слишком большими, другим – слишком маленькими, и в итоге редколлегии газет различных направлений предпочли не публиковать этот материал, утаив тем самым от своих читателей общественно значимую информацию (умолчание, как известно, одна из форм клеветы). Надо отдать должное редколлегии газеты «Известия», опубликовавшей подробный отчет о брифинге с указанием приводимой там статистики.[xxiv\[24\]](#)

Примечательно, что в указанных выше данных МБРФ добавление сведения за 1917-1920 и 1954-1990 гг. принципиально не изменило приводимую нами статистику политических репрессий за период 1921-1953 гг. Сотрудники МБРФ пользовались каким-то другим источником, сведения которого несколько расходятся со статистикой 1-го спецотдела МВД. Сопоставление сведений этих двух источников приводит к весьма неожиданному результату: по информации МБРФ в 1917-1990 гг. по политическим мотивам было осуждено 3 753900, а по статистике 1-го спецотдела МВД, в 1921-1953 гг. – 4 060 306 человек.

По нашему мнению, такое расхождение следует объяснять отнюдь не неполнотой источника МБРФ, а более строгим подходом составителей этого источника к понятию «жертвы политических репрессий». При работе в ГАРФ с оперативными материалами ОГПУ-НКВД мы обратили внимание, что довольно часто на рассмотрение Коллегии ОГПУ, Особого совещания и других органов представлялись дела как на политических или особо опасных государственных преступников, так и на обычных уголовников, ограбивших заводские склады, колхозные кладовые и т.д. По этой причине они включились в статистику 1-го спецотдела как «контрреволюционеры» и по нынешним понятиям являются «жертвами политических репрессий» (такое про воров-рецидивистов можно сказать только в насмешку), а в источнике МБРФ они отсеяны. Такова наша версия, но мы вполне допускаем, что, возможно, причина расхождения в этих цифрах кроется в чем-то другом.

Проблема отсева уголовников из общего числа осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления гораздо серьезнее, нежели это может показаться на первый взгляд. Если в источнике МБРФ и был произведен их отсев, то далеко не полный. В одной из справок, подготовленных 1-м спецотделом МВД СССР в декабре 1953 г., имеется пометка: «Всего осуждено за 1921-1938 гг. – 2 944 879 чел., из них 30% (1062 тыс.) – уголовников».[xxv\[25\]](#)

Это означает, что в 1921 – 1938 гг. осужденных политических насчитывалось 1883 тыс.; за период же 1921-1953 гг. получается не 4060 тыс., а менее 3 млн. И это при условии, если в 1939-1953 гг. среди осужденных «контрреволюционеров» не было уголовников, что весьма сомнительно. Правда, на практике имели место факты, когда и политические осуждались по уголовным статьям.

Мы считаем, что по периоду гражданской войны сведения источника МБРФ неполные. Там наверняка не учтены многие жертвы самосудов над «контрреволюционерами». Эти самосуды нередко вообще не документировались, а в источнике МБРФ явно учтено только то количество, которое подтверждается документами. Вызывает также сомнение, что в 1918 –1930 гг. в Москву поступала с мест исчерпывающая информация о числе репрессированных.

Обладая документально подтвержденными доказательствами, что статистика О.Г. Шатуновской недостоверна, мы в 1991 г. на страницах академического журнала «Социологические исследования» опубликовали соответствующие опровержения.[xxvi\[26\]](#)

Казалось, что с версией Шатуновской вопрос был решен. Но не тут-то было. И по радио, и по телевидению продолжали пропагандироваться её цифры в довольно навязчивой форме. Например, 5 марта 1992 г. в вечерней программе «Новости» диктор Т. Комарова вещала на многомиллионную аудиторию о 19 млн. 840 тыс. репрессированных, из них 7 млн. расстрелянных в 1935-1940 гг. как о безусловно установленном факте. 10 марта того же года на заседании Конституционного суда адвокат А. Макаров в качестве доказательства зачитывал письмо Шатуновской с её цифирью. И это происходило в то время, когда историческая наука доказала недостоверность этих сведений и располагала подлинной статистикой. Было бы недостаточно объяснять все это политическими пристрастиями или невежеством. Здесь довольно явно вырисовывалось хамско-пренебрежительное отношение к отечественной науке.

В число безусловных жертв большевистского режима дилетанты от истории включают все людские потери во время гражданской войны. С осени 1917 г. до начала 1922 г. население страны

сократилось на 12 741,3 тыс. человек; сюда входит и белая эмиграция, численность которой точно неизвестна (ориентировочно 1,5- 2 млн.).xxvii[27]

Виновником гражданской войны безапелляционно объявляется только одна противоборствующая сторона (красная), и ей приписываются все жертвы, включая свои собственные. Сколько в последние годы публиковалось «разоблачительных» материалов о «пломбированном вагоне», «кознях большевиков» и т.п.!? Не сосчитать. Нередко утверждалось, что не будь Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров, то и не было бы революции, красного движения и гражданской войны (от себя добавим: с таким же «успехом» можно утверждать, что не будь Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, то и не было бы белого движения). Нелепость подобных утверждений совершенно очевидна. Самый мощный в мировой истории социальный взрыв, каковым являлись события 1917-1920 гг. в России, был предопределен всем предшествующим ходом истории и вызван сложным комплексом трудноразрешимых социальных, классовых, национальных, региональных и других противоречий. Здесь нет правых и виноватых. Если кого и можно винить, то только раковой ход истории, испославшей в 1917-1920 гг. на наш народ тяжкое испытание.

В свете этого мы не можем расширительно толковать понятие «жертвы политических репрессий» и включаем в него только лиц, арестованных и осужденных карательными органами Советской власти по политическим мотивам. Это значит, что жертвами политических репрессий не являются миллионы умерших от сыпного, брюшного и повторного тифа и других болезней. Таковыми не являются также миллионы людей, погибших на фронтах гражданской войны у всех противоборствующих сторон, умершие от голода, холода и др. И в итоге получается, что жертвы политических репрессий (в годы красного террора) исчисляются не только не миллионами, но даже не сотнями тысяч. Самое большее, о чем можно вести речь, это о десятках тысяч. Недаром, когда на Брифинге в пресс-центре 2 августа 1992 г. было названо число осужденных по политическим мотивам начиная с 1916 г., то оно принципиально не повлияло на соответствующую статистику, если вести отсчет с 1921 г..

---

i[1] ГАРФ. Коллекция документов.

ii[2] Там же

iii[3] Там же

iv[4] ГАРФ. Коллекция документов; Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг.: источники и их интерпретация / Отечественные архивы, 1992, № 2. С. 28.

v[5] Некрасов В.Ф. Десять «железных» наркомов / Комсомольская правда, 1989. 29 сент.; Дугин А.Н. Гулаг: открывая архив / На боевом посту, 1989. 27 дек.; Земсков В.Н., Нохотович Д.Н. Статистика осужденных за контрреволюционные преступления в 1921-1953 гг. / Аргументы и факты, 1990, № 5; Дугин А.Н. Гулаг: глазами историка / Союз, 1990, № 9; Дугин А.Н. Сталинизм: легенды и факты / Слово, 1990, № 7; Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа / Социально-политические науки, 1990, № 7; Дугин А.Н. и Малыгин А.Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи / Военно-исторический журнал, 1991, № 7; Земсков В.Н. Гулаг: историко-социологический аспект, 1991, №№ 6-7; Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект / История СССР, 1991, № 5; Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг.: источники и их интерпретация / Отечественные архивы, 1992, № 2.

vi[6] Антонов-Овсеенко А.В. Противостояние / Литературная газета, 1991. 3 апреля. С.3.

vii[7] Медведев Р.А. Наш иск Сталину / Московские новости, 1988. 27 ноября.

viii[8] См. Данилов В.П. Коллективизация: как это было / Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 250.

ix[9] Вечерняя Москва, 1990. 14 апреля.

-
- x[10] Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. / Комсомольская правда, 1991. 4 июня.
- xi[11] Московские новости, 1988. 27 ноября.
- xii[12] История СССР, с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т.10 С. 390.
- xiii[13] ГАРФ, ф. 9479, оп.1, д. 89. л. 205. 216.
- xiv[14] Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания: всесоюзная перепись населения 1937 г. / Социологические исследования, 1990. № 6; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992.С 21.
- xv[15] Московские новости, 1988. 27 ноября.
- xvi[16] НАПФЮ ф. 9479, оп. 1, д. 179, л. 241-242.
- xvii[17] Там же, д. 436. л. 14, 26. 65-67.
- xviii[18] Шатуновская О.Г. Фальсификация / Аргументы и факты, 1990. № 22.
- xix[19] ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1155, л. 2; д.1190, л. 36; д. 1319. л. 2-15.
- xx[20] Там же. Коллекция документов.
- xxi[21] Там же, ф. 9414, оп. 1, д. 330, л. 55; д. 1155, л. 2; д. 1190, л. 26; д. 1319, л. 2-15.
- xxii[22] Там же, д. 1356, л. 1-4.
- xxiii[23] Литературная газета, 1991. 3 апреля.
- xxiv[24] Руднев В. НКВД – расстреливал, МБРФ – реабилитирует / Известия. 1992. 3 августа.
- xxv[25] ГАРФ. Коллекция документов; Попов В.П. Указ. Соч. С. 29.
- xxvi[26] Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект / Социологические исследования, 1991, № 6. с.
- xxvii[27] Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. с. 98, 118.

Виктор Земсков